
А.Е. Пресняков

**ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

МОСКВА

Богородский Печатник

1998

то Новгородца во всем его обычае. *«И по Тирамоние рече, — читаем в одном из приложений к Новгородской 1-й летописи, — князьские князи в Орду, и Собор подалы князьские им князи Ивану Даниловичу Новгороду и Вятскому, поимены князьские, и судья-скому князи Александру Васильевичу сын Володимеру и Псковские»*. Наши летописные своды упоминают о подобном разделе великого княжества, отмечая лишь то, что им Иван Данилович «сиде на великом княжестве»⁷. Но и, привлекая известные приведенного текста, можем не сомневаться, что Иван Данилович получил в

1328 г. ярлык на великое княжение и старейшинство во всех князьях русской земли¹⁴. Та же летописная статья повествует дал-

ше, что князь Александр княжил «испретые годы», а *«по смерти сего Александра поиде в Орду князь великий Иван Данилович и царь его пожаловал и дал ему княжение великое надо всею Русскою землею, якоже и праотец его великий Всеволод Дмитрий Юрьевич; а правил ему княжение Албуга; и оттоль пошли Рускыи князи»*. Только по смерти им. Александра Васильевича в

1332 г., по представлению этого источника, восстановлено единство великого княжества над частью Русской земли, что заставило летописца вспомнить о великом княжестве Всеволода Юрьевича Великого Гюгада и отметить значительность момента словами «и оттоле поиде русские князи». Самая ответственность его представлений говорит в пользу его осведомленности и достоверности его сообщений. К тому же он дает ценные сообщения об Александре Судальском, которые проливают некоторый свет на образование великого княжества Новгородского. Князь Александр получил город Владимир (с его областью) и Псковские. Он стремился закрепить за собой эти владения, по рассказу нашего источника, им. Александр переиме на Владимира «чуждый» князь¹⁵. Но по смерти Александра Васильевича с Владимиром возвращено его стольное значение, судьба Псковских по смерти этого князя не ясна, но при его брате Константине оно складается в крупное владение — Новгородское великое княжество. Во всяком случае этот своеобразный раздел великого княжества не повлиял на великокняжеское положение Ивана Даниловича. Перед Ордой и перед Русью — он во главе политического бытия Великороссии. Великим князем все Руси выступает он в псковских делах и в отношении к Великому Новгороду, а стремление подлинно осуществлять великое княжение «наше и праотец его великий Всеволод Дмитрий Юрьевич» оставило по себе память, что в ту пору «князья псковские люди, сиречь князьские великие дошавшие князи великому Ивану Даниловичу»¹⁶.

II

Рост политической самостоятельности и обособленности Пскова от великого княжества Владимиро-суздальского и Новгородского в предыдущие десятилетия сделал его убежищем князей, уходящих от личной опасности в гонимую неудачи на арене борьбы за великое княжение.

Сюда бежал и Александр Михайлович, и исконные его приверженцы, наближавшие с тюркскими князьями литовско-русские связи и стремление отделиться от московской и новгородской силы. Личное дело князя Александра стало псковским делом, его приезд во Псков — значительным моментом самостоятельной истории Пскова.

Хан Узбек примирился с русскими князьями, повелев им «князя Александра искати». В к. Иван Данилович прибыл в Новгород с Александром Суздальским и с братьями Александра Михайловича и многими князьями русскими, и отсюда его послы и послы новгородские убеждали батюшку идти в Оруц, «а не погубить христиан от поганых». Митр. Феофан, прибывший в Новгород, наложил отлучение на Псков и на кн. Александра Михайловича и тем вынудил его уехать в Литву⁷⁷. Вынужденный отъезд этот был только способом отвести княжескую беду. Князь и двор свой кн. Александр оставил в Пскове и вернулся к ним через полтора года. «И пришедши кн. Александр с детьми и посадивши его во Пскове на княженье». Силою десяти лет, по счету псковской летописи, княжил Александр в Пскове, вне связи с Владимиро-суздальским великим княжеством, но в тесном отношении к великому княжеству Литовскому⁷⁸. С его времени возникло свое псковское законодательство, старейший памятник которого, датированный в начале «Псковской Судной Грамоты» — «великого князя Александрова грамота»⁷⁹. Тогда же была сделана попытка вывести Псков из церковной зависимости от Великого Новгорода учреждением особой псковской епископии и митр. Феофану на Волынь явилась посылка из Пскова от князя Александра Михайловича и от великого князя литовского Гедимина и всех литовских князей с требованием поставить на владычество во Псков на кандидата — Арсения, но митрополит ответил решительным отказом⁸⁰.

Образование великого княжества Литовского, завершение в к. Гедимином, оказывает значительное влияние на Псков, Новгород и Тверское княжество, не говоря уже о Смоленске и Чернигово-степерским княжествам. Одновременно с делом о псковской епископии разбирались другие, столь же характерные: в к. Гедимина захватил «на море» новгородский флот и из перемещенного владыку Василия по дороге к митрополиту Фео-

гостию на Волынь, а отпустил их, выудив договор об отдачи сыну его Нариману «в вичину и дядю и его детям» новгородских пригородов – Ладого, Орехова городка и городка Карельского со всей карельской землей, да половецкие Колокеры. Запис об этом договоре, сохранившаяся в наших летописных сводах, подчеркивает, что это «слово право» новгородцам дали Нариману, лишь будучи «в таковой гониме»⁷. Однако дальнейшие сведения об отношении Великого Новгорода к Нариману позволяют говорить о зарождении в Новгороде «литовской» партии, творящей и западнорусскому, литовскому политическому центру, который сумел освободиться от татарской власти и по-настоящему «выжить»⁸.

Великокняжеское положение Ивана Даниловича сильно осложнилось этими литовскими отношениями, тяготение западных областей Великодержавы к новой политической силе великого княжества Литовского пыталось в значительной степени ролью великого князя, как представителя ордынской власти и ее требований.

А такая роль была для в.к. Ивана Даниловича неизбежной политической необходимостью. С трудом отшел он от Руси греху великодержавного гнева и на поверхности власти начал построивать свои значительные главы великорусского политического мира. Нараставший напор литовской силы лишь укрепил связи Великодержавы с ханской властью, заинтересованной в сохранении своего «русского утеса».

Таким образом ордынской зависимости на всю политику в.к. Ивана оказывается особенно ясно на его новгородских отношениях. В 1328 г. приехал он в Новгород своим наместником, а в марте 1329 г. сам на стол Новгородского княжества, с 1332 г., когда вся сила великокняжеской власти сосредоточилась в его руках, а с другой стороны, легли на него крупные обязательства перед Ордой, растет его требовательность по отношению к Великому Новгороду и усиливается его наступление на новгородские вольности. Вернувшись из Орды в 1332 г. великим князем всея Руси, Иван Данилович *«возверже гнев на Новгород, прося у них серебра Закамьского»* – отдал новгородцам неизбежные стародавние им братью с «низовскими» князьями за «дань новгородскую».

Великий князь собрал ратьюю силу всей «низовской» земли с ее князьями и с рязанской княгиней, пошел в Торжок, захватил и Бежудный Берег, «отрвав землю новгородскую», и от веры попытку новгородцев заключить мир⁹. Это фривольно-успокоило стремление новгородцев найти спору в Литве. Новгородцам выполнили договор с Гедимином и приняли его сына Наримана-Глеба на новгородские пригороды, обвязав его крестоносниками стоять с ними «на один человек»¹⁰, марш новгородцев и обложивших с Псковом, и с князем Александром Михай-